

запропонованої моделі реклами, інформації, знання. Хоч він і не прагне піднятися до художнього рівня, однак є документом, який фіксує події свого часу.

Отже, предмети духовно-матеріальної культури роблять значний внесок у загальний розвиток людства та підвищують його естетичний рівень. Вони вчать нас бути упорядкованими, обережними, уважними один до одного і в політичному, і в повсякденному житті.

Між мистецтвом і технікою існує певний з'язок, в результаті якого відбувається вдосконалення технічного потенціалу самого мистецтва як художньої творчості. Техніка сприяє трансформації мистецтва у зовсім нові жанри, раніше недоступні, і така трансформація відкриває для мистецтва нові горизонти. З розвитком техніки змінюються образний лад і матеріальні можливості архітектури, пластичних мистецтв, музики і техніки. Технічне накопичення фактів, їх систематизація і обробка на електронно-обчислювальних машинах активно впливають на структуру і розвиток художньої культури в цілому, підвищують критерії соціально-естетичної значущості продукованого виробництвом мистецтва, естетичних ідеалів і смаку народу.

Література

1. История зарубежного искусства: Учебник / Изд. 3-е, испр. и доп. / Под ред. М.Т. Кузьминой, Н.Л. Мальцевой – Москва: Изобразительное искусство, 1983. – 488 с., ил.
2. История русской живописи. – Москва : КСМО, 2010. – 608 с., ил.
3. Шеметова Т. Клиповая культура или некоторые подходы к описанию музыкального клипа / <https://cyberleninka.ru/article/n/klipovaya-kultura-ili-nekotorye-podhody-k-opisaniiyu-musykalnogo-klipa>.
4. Яковлев Е.Г. Эстетика: учебное пособие. – Москва: Гардарики, 2000. – 464 с.

СИЛЛОГИСТИКА АРИСТОТЕЛЯ – В ОСНОВАНИИ ДЕДУКТИВНОЙ ЛОГИКИ

Семко М.А., Ларинцева Н.В.

*Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»
г. Харьков, Украина*

В современном мире огромное внимание уделяется логике, и освоение ее проблем требует глубокого понимания, в первую очередь, ее объекта и предмета как науки, уяснения методологической роли для конкретного вида деятельности. При этом решаются не только теоретические задачи. Познание предмета логики имеет большое практическое значение, поскольку означает освоение прикладного характера логики, ее нормативных требований, а также превращение их в норму собственной мыслительной деятельности [1].

Одним из ее отцов-основателей был Аристотель (384–322) – великий греческий ученый, который осознал специфику логики как особой области философского знания, наиболее полно и широко рассмотрел её в статусе науки о доказательстве истины и определял в качестве органа философского знания, орудия философской мысли. Цель, поставленная Аристотелем, заключалась в том, чтобы изложить сущность доказательства как метода обоснования знания, а также выявить основные законы любого спора, схемы защиты разумных тезисов, в связи с чем очевидным становится значение разьяснения законов мышления с точки зрения логики и логический анализ языка как средства мышления.

Центральным разделом логической системы Аристотеля является *учение о силлогизме* (греч. syllogismos- «выведение следствия»). Теорию силлогизма условно можно разделить на три части: логические формы силлогизма, изложение в «Первой аналитике»; приложения логических форм силлогизма для поиска истины, рассматриваемые во «Второй аналитике»;

использование логических форм силлогизма для анализа «ходячих мнений», анализируемое в «Топике» [2].

Так как логика Аристотеля есть главным образом логика терминов, то определения природы понятия и отношений между понятиями были предметом его внимания. Особенно важным для него было выяснение свойств общего. В учении об общем, как и в других частях философии Аристотеля, логическое поставлено в зависимость от онтологического. Общее определяется как то, что относится ко многим предметам в силу их природы. То, что во многом относится к существенному, дает понятие о роде. То, что стоит в связи с родом и может быть выведено из рода, есть свойство. Если свойство по природе отличает целую группу предметов рода от другой (других) группы, то такое свойство дает понятие о виде. Если к свойствам рода и вида присоединяется свойство единичного предмета, выделяющее его и отличающее его от всякого другого, то такое свойство дает понятие о том, что собственно принадлежит предмету, о его собственном признаке [3].

Никакое понятие не может быть, согласно Аристотелю, полностью адекватно своему предмету. Во всяком отдельном предмете, кроме «характеризующего его свойства, есть некий неопределенный субстрат, в котором коренится и на котором выступает свойство, отличающее этот предмет от других. Субстрат этот сам по себе уже неопределим, не может быть выражен в понятии. Именно поэтому единичный предмет не может быть исчерпан посредством понятия и адекватно отображен в нем [3].

Одними и теми же свойствами могут обладать несколько субстратов. Поэтому, каким бы конкретным ни было понятие, под него возможно подвести, по крайней мере в мысли, несколько предметов [3].

Свойства, которыми отличаются друг от друга чувственно воспринимаемые предметы, Аристотель называет случайными свойствами. От них он отличает особенные свойства, особенности. Хотя они принадлежат всем предметам, но они не входят в понятие вида, не характеризуют предметы как составляющие вид [3].

Понятие, отдельно взятое, не образует предложения. Но и простое соединение понятий также еще не есть речь. Для того чтобы возникла речь, необходимо возникновение высказывания. Это происходит, когда соединение понятий содержит утверждение одного о другом или, напротив, отрицание. Там, где это произошло, имеется налицо предложение (суждение) [3].

Аристотель классифицирует предложения, разделяя их на четыре группы. Одну из них составляют утвердительные и отрицательные предложения; в первых понятия соединяются, во вторых отделяются друг от друга. Вторую группу составляют истинные и ложные предложения. Для логики Аристотеля, в частности и в особенности для его теории силлогизмов и доказательств, различение истинных и ложных предложений фундаментально. В обосновании этого различения сказывается первенство онтологического аспекта: истинными предложениями Аристотель называет те, в которых утверждается соединение понятий таково, каково соединение их предметов в действительности, или разделение-понятий таково, каково разделение их предметов в действительности. Ложными он называет те предложения, в которых либо соединяется то, что разделено в действительности, либо разъединяется то, что в действительности соединено [3].

Соединение обоих оснований классификации предложений дает четвероякое их разделение на: 1) утвердительные истинные; 2) отрицательные истинные; 3) утвердительные ложные; 4) отрицательные ложные [3].

Третье основание для классификации предложений определяется характером их общности. То, что высказывается в предложении, может относиться к одному предмету или к их множеству. Предложение, в котором высказывание относится к одному предмету, – единичное. Предложение, в котором высказывание относится ко всем предметам известного вида, – общее.

Предложение с высказыванием не о всех, а о нескольких предметах вида – частное. Кроме того, Аристотель выделяет предложения, называемые неопределенными. Это предложения, в которых неясно, указывается, к какой именно части класса предметов относится высказывание, например: «Удовольствие не есть добродетель» [3].

Четвертое основание для классификации предложений – способность их быть высказываниями о возможности, действительности и необходимости. При различении этих трех видов предложений имеется в виду не отношение мыслимого к нашей мысли, а способность предложения отображать реальное состояние, т. е. нечто, относящееся к самой сущности предметов. В этом смысле, например, возможным считается не то, что признается таковым, а то, что возможно само по себе [3].

Аристотель выделяет три вида возможного. Перечислим эти виды, по Стагириту. Это, во-первых, возможное в обычном смысле, т. е. то, что, будучи одним, может перейти в другое. Все, что может стать иным, может быть определено, как это иное в возможности. Во-вторых, существует возможное, которое на деле всегда существует только в качестве действительного. Так как оно действительно, то тем самым оно и возможно, но оно никогда не встречается как возможное, а лишь как действительное. Таковы, например, небесные светила. Они вечны, не возникли ни из какого предшествующего им состояния, не могут перейти ни в какое иное состояние. Действительность – единственный присущий им вид существования. В-третьих, существует возможное, которое вечно остается только возможным и никогда не переходит в действительность. Такова, например, величина, большая всякой другой величины; нельзя не признать ее возможной, но она не может стать действительной: как бы велика она ни была, но как только ее обозначают известным числом, оказывается, что посредством прибавления к нему может быть получено еще большее число.

Главная и наиболее оригинальная часть логики Аристотеля – его теория силлогизма и теория доказательства. В учении о силлогизме он сам признавал себя пионером и признавался, что на создание этой теории он затратил большой труд.

Аристотель – основатель формальной логики. Он мог стать им вследствие сделанного им фундаментального для всей логики открытия. Исследуя строение силлогизмов, он все термины в них представляет буквами, т. е. вводит в логику переменные. Уже древний комментатор Аристотеля Александр правильно указал на цель этого нововведения: Аристотель, говоря словами Я. Лукасевича, «представил свою теорию в буквенной форме, *stoiceia*, для того чтобы показать, что заключение получается нами не как следствие содержания посылок, а как следствие их формы и сочетания; буквы являются знаками общности и показывают, что такое заключение будет следовать всегда, какой бы термин мы ни избрали». Например: «Если А высказывается о всяком В и В высказывается о всяком С, то А высказывается о всяком С». Очень точно эту функцию переменных характеризовал в логике Аристотеля другой древний комментатор – Иоанн Филопон: «Ты дашь общее правило, беря буквы вместо терминов... общую речь опровергает и один пример. Когда мы ищем общее правило, то требуется или обозреть все частные случаи (что является невозможной и бесконечной операцией), или же мы получаем уверенность благодаря общему правилу. Теперь это общее правило дается посредством букв: ими можно пользоваться, по произволу подставляя вместо букв любой материальный термин» [3].

Из этого взгляда на переменные вытекает весь характер логики Аристотеля. Логика эта не есть конкретное учение о конкретных вещах или терминах, не есть учение о «человеке», «смертности» и «Сократе» («все люди смертны», «Сократ – человек», «следовательно, Сократ смертен»). Логика – наука о законах силлогизмов, выраженных в переменных, а не наука о приложении этих законов к примерам или конкретным терминам. Силлогизм Аристотеля вовсе не есть вывод типа: «Всякое В есть Л; всякое С есть В; следовательно, всякое С есть Л». Только

под влиянием логики стоиков силлогизм Аристотеля был истолкован как вывод, вроде указанного. У самого Аристотеля силлогизм — импликация указанного выше типа:

Если А присуще всякому В
и В присуще всякому С,
то А присуще всякому С [3].

Это адекватный пример аристотелевского силлогизма. В нем две посылки, представляющие конъюнкцию, образуют антецедент импликации. Первая посылка: «Если А присуще всякому В», вторая «В присуще всякому С». Консеквент этой импликации: «А присуще всякому С». Общая формула всей импликации: «Если а и b, то g». В традиционной логической литературе до самых последних десятилетий этот характер аристотелевской теории силлогизма понимался неточно: силлогизм рассматривался как вывод, в то время как у самого Аристотеля нигде он не выступает в качестве вывода со словом «следовательно». Отличие силлогизма — импликации Аристотеля — от вывода традиционной логики имеет важное значение. Как импликация силлогизм Аристотеля есть предложением потому должен быть либо истинным, либо ложным. Напротив, традиционный силлогизм как вывод может быть правильным или неправильным, но не может быть истинным или ложным, так как он не предложение, а ряд предложений, не спаянных в форму единства [3].

Поскольку указанное здесь различие между аристотелевским силлогизмом и его пониманием в традиционной логике как вывода не проводилось до самого последнего времени, прав Я. Лукасевич, говоря, что «и по сей день мы не имеем изложения подлинной аристотелевской логики» [3].

Форма силлогизма характеризуется числом переменных, их расположением и, кроме того, так называемыми логическими константами (постоянными). Две из них не представляют специфических характеристик аристотелевской логики и входят как часть в более широкую и более основную логическую систему. Это соединения, выражаемые союзами «и» и «если». Кроме них, имеется еще четыре постоянных, специфически характерных для логической системы Аристотеля. Это отношения между общими терминами: 1) «быть присущим всякому», 2) «не быть присущим ни одному», 3) «быть присущим некоторому» и 4) «не быть присущим некоторому». В схоластической логике эти отношения обозначались соответственно латинскими символами А, Е, I и О. На этих четырех отношениях при посредстве соединений «и» и «если» построена вся теория силлогизма Аристотеля. Теория, эта есть система истинных предложений, или, согласно терминологии Лукасевича, «положений», касающихся констант А, Е, I, О, [3].

Аристотелевская логика предполагает свое применение только к общим терминам — вроде: «животное» или «млекопитающее». Но эти термины собственно характеризуют не саму его логическую систему, а лишь сферу ее применения [3].

Анализируя формы силлогизма, Аристотель выделил три основных вида (три «фигуры»), в которые могут быть сведены все отдельные его «модусы», т. е. случаи с их различиями в членах конъюнкции, образующей антецедент, а не в консеквенте. Принципом, на основе которого Аристотель разделил модусы силлогизма на фигуры, оказалось положение среднего термина в качестве субъекта или предиката посылок. «Мы узнаем фигуру, — говорит он, — по положению среднего термина». Цель силлогизма — обосновать отношение А к В. Для этого необходимо найти нечто общее как для А, так и для В. Найти его возможно тремя способами: 1) посредством утверждения А относительно С, а С относительно В; 2) посредством утверждения С относительно их обоих; 3) посредством утверждения А и В относительно С. «Отсюда очевидно, — поясняет Аристотель, — что всякий силлогизм необходимо строится по какой-нибудь из этих фигур». В этой схеме А — предикат силлогистического заключения, В — его субъект, а С — его средний термин. В первой фигуре средний термин — субъект по отношению к А (к «большому» термину) и предикат по отношению к В (к «меньшему» термину). Во второй

фигуре средний термин — предикат, а в третьей — субъект по отношению к большему и меньшему терминам [3].

Аристотель разделил все силлогизмы на «совершенные» и «несовершенные». «Совершенные» силлогизмы — это, по сути, аксиомы силлогистики: не требующие доказательства и недоказуемые самоочевидные утверждения. «Несовершенные» силлогизмы лишены очевидности и доказываются. [3].

Если не существует термина среднего по отношению к А и В, то предложение «А присуще В» будет «непосредственным». Недоказуемые непосредственные положения, или «начала», составляют фонд основных истин [3].

Аристотель указывает способы, сведения всех модусов второй и третьей фигур силлогизма к модусам первой. В системе логики Аристотеля сведение есть не что иное, как доказательство модусов второй и третьей фигур в качестве теорем при помощи модусов первой фигуры. Для логической теории Аристотеля сведение — необходимая составная часть этой теории [3].

Аристотель развил систематическое исследование силлогистических форм. В нем он, во-первых, доказывает истинность некоторых из них и, во-вторых, доказывает ложность остальных. Подробности этого исследования принадлежат не истории философии, а логике, где они и рассматриваются [3].

Литература

1. Демидов И.В.. Логика: Учебное пособие для юридических вузов / Под ред. доктора философских наук, проф. Б.И. Каверина. – М.: Юриспруденция, 2000 – 208 с.
2. Билецкий И.П., Кузь О.Н., Черненко В.А. Логика: учебное пособие для студентов вузов / И.П. Билецкий, О.Н. Кузь, В.А. Черненко. – К.: Кондор, 2007. – 148 с.
3. Владимир Соловьев [Текст] / В. Ф. Асмус. – М. : Прогресс, 1994. – 208 с.

СООТНОШЕНИЕ КОГНИТИВНОГО И ЦЕННОСТНОГО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И. КАНТА

Смоляга М.В.

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт»

г. Харьков, Украина

Исследования проблем современной эпистемологии показали, что ее дальнейшее развитие возможно осуществить, лишь рассмотрев познание в его антропологических смыслах и аспектах, стремясь преодолеть тем самым абстрактный гносеологический подход, упускающий из виду и по существу утрачивающий в качестве своего предмета человека как такового. В современную эпистемологию приходит новое видение и самого познания, его теории как эпистемологии, и понимания ценностей, их особой роли, не только внешней, но и имманентной знанию, неотъемлемой от познавательной деятельности в целом. Возникает потребность заново осмыслить предложенную в работах И. Канта концепцию трансцендентального и диспозиционного подходов к ценностям, а также более основательно использовать опыт естественных и гуманитарных наук в этой сфере. Все это делает особенно актуальным обращение к трудам И. Канта, посвященным этическим проблемам научного познания.

Одной из важнейших особенностей кантовской теории является диалектика теоретического и практического разума. Как представляется, философское разграничение